

Т.И. Щербакова

ПОСЛЕДНИЕ ШАМАНЫ ЧУКОТКИ: ЛИДЕРСТВО КАК ДОЛГ

Данное исследование непосредственным образом связано с изучением коллекции культовых предметов чукчей и эскимосов, собранной Игорем Петровичем Лавровым в 1939–1940 гг. в прибрежных поселках Берингоморского побережья Чукотки.

Как оказалось, эта коллекция, пролежавшая в музейных фондах почти 70 лет, в настоящее время представляет собой одно из интереснейших собраний по культуре коренных жителей Чукотского полуострова. Коллекция насчитывает 212 экспонатов, которые в силу разных обстоятельств оказались на хранении в трех музеях: в Государственном музее истории религии (Санкт-Петербург), Музее игрушки (Сергиев-Посад) и в Музейном Центре «Наследие Чукотки» (Анадырь).

По своему характеру коллекция эклектична. В ней представлены предметы быта и религиозного культа, изделия молодых мастеров-косторезов, предназначенные для личного пользования или для продажи, рисунки шамана Онно, а также акварельные портреты, выполненные самим И.П. Лавровым. Такой состав собрания был обусловлен как личностью собирателя, так и временем формирования коллекции.

Игорь Петрович Лавров, художник по специальности, был командирован на Чукотку в 1939 г. московским НИИ Художественной промышленности с целью изучения изобразительного творчества чукчей и эскимосов. Местом его прикомандирования стала Культбаза в заливе Лаврентия. В 1930-е годы Культбазы являлись оплотом Советской власти в национальных округах. На Чукотке их было три. Здесь находились больница, школа-интернат, столовая, Дом культуры и органы НКВД.

Время пребывания И.П. Лаврова на Чукотке совпало с периодом активной борьбы с религиозными пережитками и «старым укладом

жизни». В поселках поводились комсомольские рейды по изъятию предметов культа, устраивались судебные процессы над шаманами, многих из которых затем расстреливали. Конфискованные вещи, как правило, уничтожали, что-то попадало в музеи. Крайне жесткая последовательность и методичность этих действий нанесли невосполнимый урон не только традиционному мировоззрению приморских охотников, но всем сферам их жизнедеятельности. Были подорваны основы зверобойного промысла. Уникальная культура морских зверобоев, просуществовавшая несколько тысячелетий почти в неизменном виде, оказалась на пороге гибели.

И.П. Лавров не ставил перед собой задачу привезти с Чукотки коллекцию. Его собрание складывалось постепенно, в силу самых разных обстоятельств, в которых он оказывался. Многие предметы ему дарили, что-то он подбирал на заброшенных захоронениях или просто спасал от уничтожения. При этом И.П. Лаврову нередко приходилось вступать в конфликт с представителями власти, и тогда он аргументировал свою позицию тем, что все эти «шаманские вещи важны для науки», и грозился в случае их сожжения написать в Москву.

Как ни странно, но его убежденность и решительность побеждали. Именно так в коллекции оказался уникальный комплекс атрибутов шамана Анкауге из селения Нутепенмен, расстрелянного в 1938 г. Они «завалились» на складе торговой базы в поселке Лаврентия, куда попали после открытого суда над Анкауге и его расстрела.

Знакомство И.П. Лаврова с другим шаманом — Онно из селения Яндагай, оказавшимся еще искусным художником и косторезом, — привело к созданию серии рисунков о мире шаманских духов. По просьбе И.П. Лаврова Онно изобразил свои шаманские «видения» и объяснил смысл каждого изображения. В результате эти уникальные рисунки стали достоянием коллекции. Вошли в нее также праздничные одеяния, изъятые у жителей древнего эскимосского селения Наукан, и еще множество других предметов, достаточно редких для современных музейных собраний.

Важнейшим источником для изучения материалов этой коллекции и понимания атмосферы, которая царила в приморских поселках Чукотки во второй половине 1930-х годов, стала рукопись И.П. Лаврова, датированная 16 января 1941 г. Неприметная тетрадь в твердой коричневой обложке с надписью «Чукотская коллекция Лаврова. 1939–1940 гг.» была обнаружена в Государственном музее истории религии в 2007 г. при перевозке фондовых материалов в новое помеще-

ние. Благодаря этой рукописи стало возможным сгруппировать экспонаты в соответствии с местом их бытования, т.е. с теми конкретными селениями, откуда они были взяты.

Таких селений оказалось четырнадцать. Большинство из них располагалось сравнительно недалеко от Культбазы и И.П. Лавров неоднократно посещал их. В рукописи достаточно подробно описываются и обстоятельства, при которых были получены те или иные предметы, а также приводятся свидетельства местных жителей о значении или назначении этих вещей¹.

Для И.П. Лаврова подобная фиксация материала, приближенная к профессиональным записям этнографов, неслучайна. Еще до поездки на Чукотку ему приходилось бывать в этнографических экспедициях, где он работал в качестве художника. В одной из таких экспедиций — в 1935 г. — И.П. Лавров познакомился с известным этнографом М.Г. Левиным. Это знакомство на долгие годы определило его увлечение традиционным орнаментом народностей Сибири и Дальнего Востока, а также способствовало приобретению навыков полевой работы.

Затронуть тему о последних шаманах Чукотки, прежде всего о шамане Анкауге и шамане Онно, стало возможным только благодаря сведениям, полученным из рукописи И. П. Лаврова.

В чукотском языке имя «Анкауге» означает «Вдохнувший от моря». Шаман Анкауге родился и провел всю свою жизнь в небольшом селении Нутепенмен (*Nute-рыптып* — конечная земля (чук.) на берегу залива Лаврентия, в нескольких километрах от Культбазы. Он был расстрелян в 1938 г. за антисоветскую деятельность. И.П. Лавров приводит данные, полученные от очевидцев событий, происходивших в 1938 г. на Культбазе в поселке Лаврентия.

«Копье, мяч, палочка для магических манипуляций, флажок и деревянный кинжал получены со склада Лаврентьевской торгбазы, где эти случайно оставленные вещи сохранились после открытого суда над шаманом Анкауге, происходившего на Лаврентьевской Культбазе

¹ К материалам, хранящимся в Музее игрушки (г. Сергиев-Посад), также была приложена рукопись с комментариями собирателя, датированная 15 ноября 1945 г. Часть своей коллекции в количестве 66 экспонатов под названием «Коллекция чукотских и эскимосских игрушек и образов детского творчества, собранная И.П. Лавровым в Чукотском районе Чукотского национального округа в 1939–1940 гг.», И.П. Лавров в 1945 г. подарил Музею игрушки. Здесь он работал с 1932 по 1934 гг.

в 1938 г. По рассказам жителей, шаман Анкауге, проживавший в селении Нутэпынмын (километрах в 3–4 от Культбазы), был приговорен народным судом к расстрелу, вел активную агитацию, направленную против различных политических и хозяйственных действий Советской власти. Различными фокусами и обманами шаман Анкауге распространял свое влияние на жителей окрестных селений, принуждая их оказывать сопротивление вводимым новым общественным формам ведения хозяйства, не посылать детей в школы, не лечить в больнице и т.д. По слухам, Анкауге имел регулярные связи с американским берегом и убеждал жителей покупать только американские товары. Используя все виды воздействия, вплоть до террора, шаман по просьбе населения был изолирован и судим.

Коллекция различных предметов, изготовленных Анкауге для “оформления” магических сеансов и всякого рода религиозных действий и почти всегда имеющих на себе латинские буквы, нечто вроде инициалов, присущих именно Анкауге, поступила в окружной музей (селенье Анадырь). Этому же шаману Анкауге (по показаниям Онно — мастера-костореза, готовившегося стать шаманом и лично знавшего Анкауге), принадлежало и весло с изображением человеческой фигуры и касатки, найденное мною разломанным на три части в овраге, неподалеку от селенья Нутепенмен, вместе со сломанной ездовой нартой. На месте оставленного селенья Нутепенмен найден жирник (разломанный на три части)» [Лавров 1941: 4–5].

Атрибуты шамана Анкауге, перечисленные в первых строках этого фрагмента и чудом уцелевшие на складе, — это те предметы, которые оставались с Анкауге до его последнего часа. Благодаря рукописи у нас появились основания выделить их в единый комплекс и связать с именем конкретного человека. Теперь в коллекции они представляют группу экспонатов из селения Нутепенмен, последним жителем которого, по всей видимости, был шаман Анкауге. В 1940 г., при посещении И.П. Лавровым Нутепенмена, там уже никто не жил.

Ездовая нарта, весло и жирник, найденные им на месте брошенного селения, были намеренно сломаны кем-то из местных жителей. Это было сделано в соответствии с древними обычаями приморских охотников. Согласно этим обычаям умершему полагалось оставлять вещи, необходимые в другой жизни. Но так как покойник «брал» с собой не саму вещь, а только ее душу, то вещи специально ломали, чтобы освободить эти души. Где могила Анкауге люди могли не знать, поэтому оставили сломанные вещи вблизи его жилища.

Другие принадлежности Анкауге, находившиеся в яранге, после его ареста были отправлены в окружной музей Анадыря. Судя по сохранившейся в Музейном центре «Наследие Чукотки» учетной документации, в 1930–1940 годах из районов действительно были небольшие поступления предметов религиозного культа, в том числе и шаманские принадлежности.

В списке, включающем девятнадцать номеров, указываются перчатки, деревянные карты и пр., но нет никаких указаний на то, из каких селений эти вещи поступили. Более того, они были списаны еще в 1950-е годы из-за крайне плохой сохранности, не осталось даже описаний этих вещей, поэтому говорить об их возможном отношении к шаману Анкауге нет никаких оснований.

В Анадыре, в Музейном центре «Наследие Чукотки», представлен только один предмет, без всякого сомнения принадлежавший Анкауге. Это модель самолета, сделанная из фанеры. Данный экспонат имеет карточку научного описания, выполненную в 1970 г. В.В. Леонтьевым, сотрудником Северо-восточного комплексного научно-исследовательского института города Магадана. Она была составлена при участии известного резчика по кости, заслуженного художника РСФСР Туккая из Уэлена (1911–1974 гг.). В 1930-х годах был активным участником комсомольского движения, а в 1935 г. стал секретарем райкома комсомола.

«Модель самолета была сделана примерно в 1930 г. шаманом Анкауге родом из поселка Нутэпылмын в заливе Лаврентия. Модель служила средством пропаганды американофильства. В сильную пургу модель выставлялась на верхушке яранги и была направлена против ветра. К модели были притянуты веревочки: одна к пропеллеру, вторая к спусковому крючку дробового обреза. Во время камлания Анкауге выкрикивал: “Летят американцы, они разбомбят русских”, и дергал за веревочки, раздавался выстрел и люди в ужасе падали ничком. Обман, по свидетельству Туккая, был раскрыт Анкакемыным». Примерно в 1934 г. этот самолет был отобран у Анкауге и находился у Туккая. Лишь в конце 1960-х годов его передали в Чукотский областной краеведческий музей¹.

О самолете Анкауге есть сведения и в монографии И.С. Гарусова, посвященной социалистическому переустройству хозяйства Чукотки

¹ Чукотский областной краеведческий музей (ЧОКМ) впоследствии был переименован в Музейный центр «Наследие Чукотки».

в 1917–1952 гг. [Гарусов 1981: 125]. В этом исследовании, основанном на архивных документах, подробно освещаются вопросы ликвидации «кулацко-шаманских элементов». Документальные сведения, которые приводит И.С. Гарусов, в целом дополняют и значительно расширяют информацию, полученную из рукописи И.П. Лаврова.

«Большой вред социалистическому переустройству жизни коренного населения наносили шаманы. Шаман Тамени из с. Лорино Чукотского района с мая 1932 г. развернул широкую антисоветскую деятельность. Вместе с шаманами Теуль из с. Лорино и Эттено из с. Чульхен он собрал совещание приближенных в Нутепельмене, где было решено: “Русские законы слушать, но не выполнять”.

Выступая против обучения детей в школах, Тамени дошел до того, что потребовал от учителя И.С. Вдовина (ныне доктор исторических наук) записать его «учение» и напечатать в книге, подобной букварю. Только после этого Тамени обещал разрешить детям чукчей учиться» [Там же: 123]. Шаман Тамени пользовался большим авторитетом и был широко известен среди береговых и оленных чукчей. В 1930-е годы он выступил как духовный лидер, отстаивавший ценности своей культуры.

В текстах И.П. Лаврова его имя пишется как «Тамнэ». И.П. Лавров упоминает об этом шамане в статье 1947 г., напечатанной в журнале «Советская этнография», как об учителе Онно: «Рисунки 11 и 12 были выполнены Онно в 1945 г. во время моего вторичного пребывания на Чукотском побережье. В этот раз встреча с Онно была кратковременной. Исполняя для Всесоюзной выставки народного творчества ряд работ из кости, Онно все же успел сделать два рисунка в дополнение к исполненным ранее. Темы были выбраны им самим. Рисунок 11 изображает сцену камлания шамана Тамнэ (учитель Онно)» [Лавров 1947: 132]. Убеждения Тамнэ разделяли и поддерживали почти все шаманы Чукотки. И. П. Лавров сохранил для нас еще одно имя — имя шамана Гыргольтагина.

Он был крупным оленеводом и шаманом, считал себя хозяином Мечигменской тундры, не разрешал проводить выборы Советов на ее территории. В 1940 г. на весенней ярмарке, проходившей в Мечигмене, И.П. Лавров познакомился с Гыргольтагиным и сделал его акварельный портрет, который впоследствии вошел в состав коллекции. На этом портрете есть надпись карандашом: «Гыгольтагин, чауча 80 лет. Красная яранга, ярмарка, 1940 г. Известен как бывший шаман». Дальнейшая судьба этого человека неизвестна. (Рис. 1)

Рис. 1. Гырголтагин, оленевод и бывший шаман. Акварель.
Худ. И.П. Лавров. Из коллекции Государственного музея
истории религии, № Б-266-1

Что касается шамана Тамени (Тамнэ) и его соратников, то выборы в Советы в 1937 г. оказались для них трагичными. «Тамени призвал всех чукчей голосовать против русских. С помощью своих сообщников — Таюге, Анкауге, Хотлю — он сумел осуществить этот замысел. По Лоринскому избирательному участку больше половины избирателей проголосовало против русских кандидатов» [Гарусов 1981: 124].

За активную антисоветскую деятельность все эти шаманы в 1938 г. были судимы и расстреляны. Благодаря И.П. Лаврову часть вещей шамана Анкауге сохранилась и оказалась в музеях. Шаманские принадлежности других утрачены или неопределимы из-за отсутствия учетной документации.

Нельзя не упомянуть известного на всю Чукотку шамана из Уэлена, которого все называли Франком. Это дед по материнской линии писателя Юрия Рытхэу. В повести «В зеркале забвения» Ю. Рытхэу вывел его под именем Млеткына. Обращаясь к своим детским годам,

которые прошли в Уэлене, писатель вспоминает деда, расстрелянного в 1937 г. Дед писателя был заметным человеком на побережье, знал русский и английский языки и как представитель коренных народов Чукотки ездил в Москву на встречу с Калининим. Тем не менее именно его одним из первых на Чукотке объявили врагом народа и расстреляли.

Ю. Рытхэу с горечью пишет, что ему никогда не забыть долгие причитания бабушки Гивэвнэут, оплакивавшей мужа, и то, как у старой шаманки Пээп отбирали ее «колдовские» вещи. [Рытхэу 2001: 62, 67, 128, 172].

О Франке есть упоминания в отчете по обследованию Чукотского полуострова 1930–1931 гг., составленного А.Калтаном. Краткими скупыми предложениями А. Калтану удалось создать очень зримый образ, за каждой его фразой угадывается точно схваченная черта характера этого человека:

«В гостях у Франка»

Зам. Пред. РИК'а Франк пригласил меня с Тевлянто к себе в полог поговорить. Мы зашли. Яранга немного больше обычной яранги. Полог сравнительно небольшой. Во всем сразу чувствуется, что здесь живут в полном достатке. Инвентарь, посуда, разные предметы домашнего обихода говорят о том, что хозяин видел иные условия жизни, чем те, в которых живут сейчас чукчи. Ничего особенного нам Франк не сказал. Он только интересуется сам, откуда мы и зачем приехали на Чукотку, зачем едем на север и пр. Рассказал о себе, что он жил в Америке, но что он там делал, не сказал. Говорил, что был в Москве у тов. Калинина. Русского языка совсем не знает, но умеет говорить по-английски. Вопросы о работе РИК'а совсем не касался, и разговоров в этом направлении наладить не удалось. Угощал нас китовыми ластами, олениной, чаем. Во всем видна чистота, аккуратность, порядок. Очень вежлив, сдержан. Развязности никакой, искренности также. Наобещал всяческого содействия и напутствовал разными хорошими пожеланиями. В заключение предложил нам в яранге Пелятауге музыку и танцы» [Калтан].

На страницы художественной литературы попало также имя шамана Алитета, ставшего героем романа Тихона Семушкина «Алитет уходит в горы». Роман был написан в 1947 г., а в 1949 г. его автор романа стал лауреатом Сталинской премии. Т.З. Семушкин уехал на Чукотку в 1924 г. и проработал там около десяти лет и даже принимал участие

в строительстве Культбазы в заливе Лаврентия. Он хорошо знал жизнь этого края, что делает его повествование достоверным и привлекательным. Нет сомнений в том, что образ шамана Алитета был создан в соответствии с требованиями времени, хотя автор, вероятно, отразил и какие-то подлинные характеристики, присущие этому человеку.

О том, каким на самом деле был шаман Алитет, судить трудно. Кроме архивных документов, здесь могут помочь только воспоминания людей, когда-то знавших или помнивших его. Сохранились отрывочные воспоминания далеких родственников Алитета, которые в конце 1970-х годов проживали в селении Рыркайпий на мысе Северном, откуда был родом Алитет и где в 1924 г. Тихон Семушкин работал учителем. «По их рассказам, Алитет был добрым шаманом. Мог сказать, какая семья станет зажиточной, предупреждал те семьи, в которые неотвратимо придет болезнь. Был среди оленеводов и береговых чукчей очень авторитетен. Когда милиционеры увозили арестованного Алитета, он сказал жене, что живым уже не вернется, что искать его, желать встретиться с ним не нужно, можно за это пострадать. О его смерти расскажет упавший бубен, повешенный Алитетом в пологе. Так впоследствии и случилось» [Рожков 2006].

Конечно, далеко не все шаманы были добрыми и хорошими, среди них встречались разные люди. Но речь идет о том, что в сложный, переломный момент жизни коренных жителей Чукотки, когда началась ломка основ их мировоззрения, существовавшего на протяжении веков, именно шаманы стали духовными лидерами своего народа. Эту ответственность, в первую очередь, взяли на себя старые, опытные шаманы, имевшие авторитет среди жителей селений, такие как Тамени (Тамнэ), Анкауге, Гыргольтагин. Они являлись носителями и хранителями традиционного мировоззрения, по сути, его живым воплощением. Смертью они подтвердили подлинность своего лидерства и навсегда остались в своей культуре. Лидерство, приравненное к долгу, лидерство как долг — таким был выбор последних шаманов Чукотки.

Можно добавить, что рядовые жители селений неоднозначно воспринимали новые веяния, привнесенные советской властью. Некоторые, особенно молодые, с легкостью расставались со старыми, «дедовскими» представлениями, другие глубоко переживали и даже кончали жизнь самоубийством. Сведения об этом также приводятся в книге И.С. Гарусова.

«В 1931 г. в ходе работы съезда Советов Анадырского района среди его делегатов был выявлен шаман, лучший друг кулаков-олeneво-

дов. Об этом было объявлено с трибуны съезда. Весь съезд поднялся и выгнал шамана. До конца была выдержана классовая политика Советской власти. Однако на другой день один из делегатов, бедняк, прямо в зале покончил жизнь самоубийством. Ему предстояло вернуться домой в то же стойбище, где жил шаман, изгнанный съездом» [Гарусов 1981: 123].

Шаман Онно из селения Яндагай принадлежал к другому поколению. Он родился в 1912 г., и в середине 1930-х годов ему было чуть больше двадцати лет. Онно был учеником шаманов Тамнэ из селения Лорино и Анкауге из селения Нутепенмен, но заниматься шаманской практикой, подобно своим наставникам, ему не пришлось: наступили другие времена. Онно, как все жители береговых поселков, занимался морским промыслом, но при этом был еще талантливым художником и гравером по кости, что и стало его вторым призванием.

И.П. Лавров познакомился с Онно в 1940 г. на Культбазе в поселке Лаврентия. В Доме народов Севера была организована изостудия, где И.П. Лавров преподавал рисунок. Многие молодые чукотские мастера здесь впервые знакомились с новым для них материалом — цветными карандашами. По просьбе И.П. Лаврова Онно создал серию рисунков на тему чукотской мифологии и шаманских видений, часть из которых, вместе с комментариями, составленными им со слов Онно, были опубликованы в журнале «Советская этнография» [Лавров 1947].

С 1933 г. Онно работал в Уэленской косторезной мастерской. Созданные им работы в настоящее время являются достоянием многих музеев нашей страны [Бронштейн, Карахан, Широков 2002: 4, 78]. И.П. Лавров очень высоко ценил этого человека и все его творчество: «Работы Онно очень интересны, да и сама биография этого одного из самых талантливых художников Чукотки примечательна. Впечатлительный, неуравновешенный, мечущийся из конца в конец по Чукотскому побережью, Онно то появляется в Уэленской мастерской, то внезапно куда-то исчезает и также неожиданно появляется в поселке Лаврентия на Культбазе. И всегда у него новые работы с отлично награвированными охотничьими сюжетами. Онно, как никто, пожалуй, умел изображать промысловых зверей, знал их повадки и с поразительным мастерством и силой художественного обобщения наносил их изображения на клыки.

В юности Онно готовился стать шаманом, его наставником был старый опытный шаман Анкауге. Он него Онно узнал многое из тща-

тельно скрывааемых от непосвященных древних легенд и обрядовых действий, связанных с шаманской практикой» [Личный архив И.П. Лаврова, отрывки из статей].

По воспоминаниям И.П. Лаврова, Онно был очень увлечен работой в Уэленской мастерской и якобы полностью отказался от своего прошлого. Но остается впечатление, что он так и не смог принять новую жизнь. Его истинное прошлое ушло навсегда, а будущее было чужим. Умер Онно в 1953 г. в своем родном селении Яндагай, ему был 41 год. Есть в этом человеке что-то притягательное. Смотреть на черно-белую фотографию Онно можно долго. (Рис. 2)

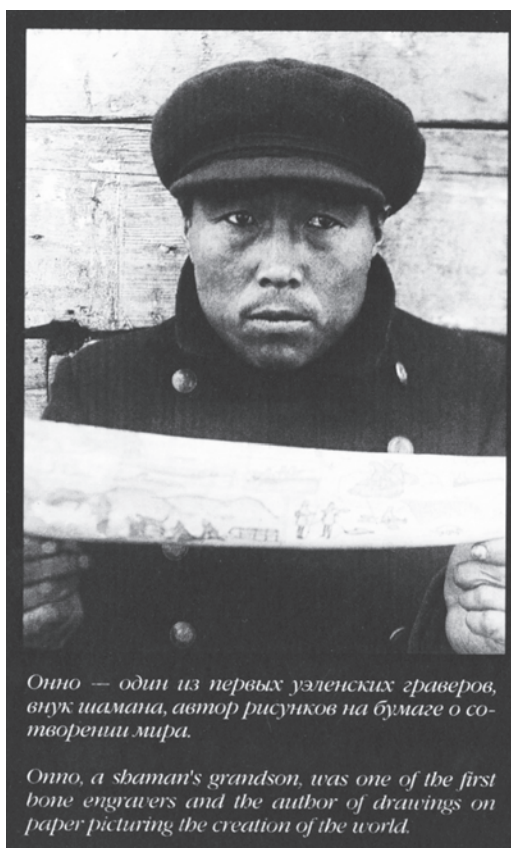

Рис. 2. Онно — один из первых уэленских граверов, внук шамана [Бронштейн, Карахан, Широков 2002: 4]

Борьба советского правительства с религиозными пережитками за сравнительно короткий период — 1930—1950 годы — нанесла невосполнимый урон традиционному укладу жизни коренных жителей Чукотского полуострова и сломала немало судеб. Для сравнения можно отметить, что православное миссионерство за два столетия — XVIII—XX века — не оказало почти никакого влияния на общее состояние культуры и мировоззрения морских зверобоев Чукотки.

Библиография

Бронштейн М.М., Карахан И.Л., Широков Ю.А. Резная кость Уэлена. Народное искусство Чукотки. М., 2002.

Гарусов И.С. Социалистическое переустройство сельского и промышленного хозяйства Чукотки. 1917—1952 гг. Магадан, 1981.

Калтан А. Отчет по обследованию Чукотского полуострова в 1930—1931 гг. tfi.chukotnet.ru/Public/Kaltan.html

Лавров И.П. Чукотская коллекция Лаврова. 1939—1940 гг. // Рукописный архив ГМИР, 1941.

Лавров И.П. Рисунки Онно. (К мифологии чукчей) // СЭ. 1947. № 2.

Рожков Е. Шаманы Чукотки. 2006. www.interfax-religion.ru/index.php.

Рытхэу Ю. В зеркале забвения. СПб., 2001.